

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)53-8

ТВОРЧЕСТВО Ф.Д. КРЮКОВА «ДОНСКОГО» ПЕРИОДА¹

Евгения Александровна Смирнова

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Волгоградский государственный университет
stilvolsu@mail.ru, eugeni-sm@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматривается творчество казачьего писателя Ф.Д. Крюкова периода революции и Гражданской войны (1918–1920). Практически все произведения Ф.Д. Крюкова этого времени были опубликованы в газетах, что предопределяет специфический подход писателя к отображению действительности как писателя-журналиста, представившего в своих публицистических произведениях панораму общественно-политического кризиса Области Войска Донского.

Ключевые слова: журнальный контекст, Ф.Д. Крюков, творчество, публицистика, жанры, очерк, поэтика.

Осмысление творческой индивидуальности в контексте литературного процесса – одна из ведущих тем в отечественном литературоведении. При этом важнейшая ориентация в постижении внутреннего мира человека – стремление к целостному охвату, всестороннему освещению личности в динамике жизненного пути, развития ее таланта, в многообразии ее проявлений в культурно-историческом контексте своего времени. «Второстепенный, но подлинный создатель художественного слова, которым по праву гордится русская литература» [3, с. 15], Ф.Д. Крюков (1870–1920) – писатель, журналист, политик, человек трагической судьбы, одним из первых представивший русскому читателю донского

казака не в его охранительной функции, а как представителя самобытного, с богатыми традициями и глубоко патриотичного.

Родившийся в станице Глазуновской, казак по происхождению, твердо веривший в высокое предназначение казачества, в возможность его самобытного развития, Крюков отстаивал права своих земляков с политической трибуны, будучи трижды депутатом Государственной Думы, а также будучи секретарем Войскового Круга, ведущим журналистом и редактором донских изданий в период Гражданской войны. За более чем четвертьвековой период Крюковым написано около 250 повестей, рассказов, художественно-публицистических очерков, путевых заме-

ток и т. п. Можно с уверенностью сказать, что творчество Ф.Д. Крюкова и в региональной журналистике, и в центральной выполняло имиджеформирующую (в плане освещения казачьей истории, быта и нравов), культурологическую функцию, ввиду чего исследование слагаемых его писательского и журналистского мастерства требует особого внимания.

Проблема национального самоопределения, отстаивания самобытности и духовного богатства никогда не теряла актуальности. Средства массовой информации выполняют важную функцию в процессе формирования социокультурной идентичности региона, страны, по сути, помогают поиску *genius loci*, позволяют сохранять культурную память народности конкретной территории, отражают особенности ментальности сословий и нации. Особую роль в этом плане играет литературная журналистика, в основном сосредоточенная в толстых журналах, однако присутствующая – и творчество Ф.Д. Крюкова это подтверждает – и в газетной периодике.

Под литературной журналистикой мы понимаем художественные, художественно-публицистические, а также литературно-критические произведения, ориентированные на освещение насущных для конкретной эпохи проблем и опубликованные в различных СМИ. Медийный текст способен воздействовать на адресата, формировать и изменять систему его представлений о действительности. Автор учитывает целевую установку потребителя (читателя), его готовность воспринять текст, способность постигать его смысл, то есть адресат выдвигается на первый план как фактор формирования содержания текста. Писатель, сотрудничающий в СМИ, разрабатывает коммуникативную стратегию, что проявляется в отборе фактов, разработке авторской позиции, в жанрово-стилевой организации произведения. В целом его коммуникативная стратегия имеет в своем ядре намерение достичь взаимопонимания с адресатом. Таким образом, художественная литература, функционирующая в системе СМИ, становится прежде всего средством коммуникации (а творческий метод писателя сближается с журналистским, в связи с чем мы вводим термин «писатель-журналист»), а следовательно, в ней

реализуется важнейший социальный принцип – способность представить читателю неискаженную картину событий. Кроме того, интерпретация художественного произведения в публицистическом контексте приводит к наложению одних ассоциативно-семантических структур на другие (интерпретации других публикаций в микро- и макроконтэксте СМИ) и дает возможность объективного историко-литературного анализа текста.

Аналитика и новостной контент, интегрируясь с поэзией и прозой, например в газете или журнале, а также литературной критикой, способствуют формированию средства массовой информации как идейно-эстетического целого, дающего не только панорамную картину современности, но и обнаруживающего глубинные связи эпох и помогающего осмыслить актуальные проблемы и способствовать поиску их решений.

Наше исследование «Литературно-публицистическое наследие Ф.Д. Крюкова» нацелено на систематизацию разрозненных сведений о творчестве писателя, анализ его литературной деятельности в журнале «Русское богатство» и донских изданиях периода Гражданской войны, что обусловило актуальность избранной темы с точки зрения *истории литературы и истории журналистики*. Мы опираемся на несколько методологических принципов исследования литературной журналистики. В первую очередь это историко-литературный метод изучения журналистики, конкретизированный в трудах В.Б. Смирнова [9; 10; 11; 12], А.В. Млечко [7], О.Г. Шильниковой [22]. Анализируя тексты «Отечественных записок» 1868–1864 годов, В.Б. Смирнов отмечает продуктивность изучения русской литературы в контексте истории журналистики. Он обосновывает это тем, что журналистика «более непосредственно, чем литература, связана с импульсом жизни, с политическим, социальным, философским, эстетическим и этическим обликом общества», что дает возможность рассмотреть творчество писателя в контексте времени, а литературное произведение, погруженное в медийный контекст, требует уже не только анализа его художественно-эстетической организации – оно становится документом общественной в целом и редакционной в частности жизни и позволя-

ет делать выводы о литературной и общественной позиции журнала. С другой стороны, публикация того или иного художественного произведения в том или ином издании позволяет уточнить авторский замысел и выявить лабиринты смыслов, выстраиваемые писателем. Историко-литературное изучение журналистики позволяет выявить специфику творческого метода писателя, сотрудничающего в СМИ: определить факторы, обуславливающие выбор темы, жанра, форм выражения авторского сознания и др. Таким образом, проблема, положенная в основу исследования, пограничная, находящаяся на стыке коммуникативистики, истории русской (точнее, региональной) литературы и истории отечественной журналистики, поскольку «творчество писателя, связавшего свою судьбу с журналом, <...> становится проявлением не только общих закономерностей, свойственных журналистике как специфическому роду творческой деятельности. Оно выступает как двусторонний процесс, как отражение двух специфических областей общественного сознания, позволяя в сложных взаимосвязях литературы и журналистики установить общественную подоснову идейно-художественного облика того или иного писателя, его роль и место в идейно-эстетической борьбе журнальных партий. <...> Журналистика <...> дает возможность рассмотреть творчество писателя в сложном идейно-политическом контексте эпохи» [9, с. 6].

В отличие от автора-журналиста, скованного фактами действительности, писатель, работающий на стыке беллетристики и публицистики, вымысла и документальности (это характеризует и творчество Крюкова), более свободен в своих действиях: он не отражает объективную картину мира, а создает свой собственный мир, дает свою интерпретацию реальности, руководствуясь собственными идеями (предопределенными в том числе и редакционной политикой) и коммуникативной стратегией. Если журналист моделирует картину мира исходя из принципа «здесь и сейчас», то писатель-журналист расширяет пространство, осмысливая фактологическое поле «здесь и сейчас» с учетом личного опыта, во вневременном контексте осмысливаемой проблемы, одновременно обозначая ее. В этом

случае коммуникативный вектор текстов писателей-журналистов направлен не только сквозь пространство (то есть имеет конкретного адресата – аудиторию конкретного издания), но и сквозь время, с помощью образов фиксируя характерологические черты эпохи.

В наших предыдущих статьях мы анализировали творчество Ф.Д. Крюкова в «Русском богатстве» – беллетристическое, редакторское и критическое, охарактеризовали специфику его творческого метода как писателя-журналиста [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21 и др.], работающего на стыке беллетристики и журналистики. Публицистичность как основа художественного видения писателей вообще была характерна для русской литературы, особенно ввиду ее отчасти «журнального» характера – ведь многие произведения были опубликованы в толстых журналах, а уже потом издавались отдельными книгами. В «Русском богатстве», отражение тенденций эпохи (злободневность), внимание к социальным проблемам, требование «правды жизни», умение за частным видеть общечеловеческое были в числе главных критериев, предъявляемых к авторским материалам. Не случайно именно «Русское богатство» стало творческой лабораторией Ф.Д. Крюкова, открывшего российскому читателю колорит Донского края и показавшего казачество, «рыцарство старины», не как стражников режима, выполняющих охранительную функцию, а как страдающий, талантливый, поэтичный, трудолюбивый народ, болезненно приспосабливающийся к сумятице эпохи, будоражившей его быт и душу.

Послеоктябрьское творчество Крюкова отличается от написанного ранее как проблематикой, так и жанровыми формами. Писатель уступил место публицисту, причем, по свидетельствам современников, его взгляды стали крайне «правыми». Как вспоминал В.А. Амфитеатров-Кадашев в своих дневниковых записях «Белый Юг» (12–20.11.1918), Крюков «после потрясения революции знать ничего не хочет ни о былом радикализме в думской фракции трудовиков, ни об участии в «Русском богатстве» и эн-эсской партии», «эволюционировал от социализма к определенному монархизму» (РГАЛИ. Ф. 2279. Оп. 1. Ед. хр. 6).

После февральской революции, воспринятой как катастрофа, начинается «донской» период (1918–1920 гг.), согласно нашей периодизации [15], в творчестве писателя. Крюков покидает Петроград и возвращается на Донщину, где ведет активную общественно-политическую работу, будучи избранным секретарем Войскового Круга (в 1919 году оставляет эту должность), возобновляет учительство (в 1918 году служил директором Усть-Медведицкой мужской гимназии). Был постоянным автором, а потом и редактором «Донских ведомостей», публиковался в журнале «Донская волна», «Север Дона» и др. В 1920 году умер от сыпного тифа, отступая с белогвардейскими войсками на юг. Творчество Крюкова донского периода разнится с тем, что было написано ранее и по проблематике, и палитрой жанровых форм.

Специфика момента требовала от писателя немедленного реагирования на обстоятельства – как внешние, связанные с Гражданской войной и притеснениями казачества со стороны советской власти, так и внутренние – психологические, обусловленные разладом в казачьей жизни, и биографические (Крюков, как мы уже говорили, был редактором «Донских ведомостей», фактически официального органа Донского правительства). Это обусловило изменение жанровой палитры его творчества – повести и рассказы сменились статьями и эссе, характерными для газетной журналистики, однако Крюков все так же обращается к очерку, позволяющему дать сплав образа и публицистики и увидеть за частными проявлениями типическое.

Тексты Ф.Д. Крюкова – это художественная картина мира, представленная во всей многогранности проявлений. Художественная картина мира, как пишет А.И. Демченко, «это система обобщенных представлений о той или иной исторической эпохе, которая складывается в процессе осмысления произведений искусства, принадлежащих данному периоду» [4, с. 17]. Исследование художественной картины мира, представленной в творчестве писателя, позволяет расширить представление о том, что происходило, через авторские интенции и рефлексии. Автор в каждом своем произведении формирует свой, особенный образ мира, целостное миропредставление с ав-

торскими ценностными установками, который, по М.М. Бахтину, является эстетическим видением этого мира. Термины «образ мира» и «картина мира» для Бахтина синонимичны, поскольку «мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый помимо заданности и смысла вокруг данного человека как его ценностное окружение» [1, с. 162].

Основное ощущение автором текущего момента – опустошение, отсутствие конструктивного начала в общественно-политических процессах действительности, разрушение устоев и нравственной опоры, потеря идеала и культурных ценностей современниками. *Зыбь* – постоянная крюковская метафора, обозначающая сомнение, беспокойство, начало перемен, обернулась *шквалом* и *обвалом* – именно эти символы отражают происходящее. В статье «О Войсковом Круге» (Север Дона. 1918. № 86. 10 авг. С. 1–2) Крюков пишет: «развалено не только государство, строившееся тысячу лет, но чище татар «товарищи» с мозолистыми якобы руками истребили многовековую культуру, расточили огромнейшие национальные ценности, проплевали неопределимые природные богатства страны».

Д.М. Буланин, рассуждая о сущности интеллигенции, пишет, что интеллигент, «свободный от социальных конвенций, <...> — независимый нравственный арбитр окружающего мира. Правда, до той лишь поры, пока есть среда, признающая за этим арбитром его право на моральный вердикт», и ему присуща «оппозиционность по отношению к официальной власти, в каких бы формах ни выражалась эта оппозиционность» [2, с. 13–14]. Разочаровавшись в революции, с которой ранее связывал надежды на обновление (см. очерк «Обвал» (Русские записки. 1917. № 2–3. С. 195–222): «мечты мои – не стыжусь сознаться в этом – рисовали мне восход свободы чуть-чуть иными красками, более мягкими, чем те, которые дала ему подлинная жизнь», – так Крюков предваряет описание первых дней революции, которые «видел, слышал и чувствовал», не скрывая затем своей отчасти растерянности: «За два-три дня обывательская душа извела, пережила темную бездну страхов и надежд, радостей и сомнений, бурного восторга и тошнотных разочарова-

ний. На пенных гребнях освободительного потока увидела она рядом с героическим и самоотверженным обидный человеческий мусор, в кликах ликования и радости режущее прозвучал оголтелый, озорной гам, свобода забрызгана была напрасной кровью и ненужным, озорным разрушением общественного достояния...», Федор Дмитриевич видит тот же обвал и в своем «углу». Он пытается быть полезным, включается в работу в Войсковом Круге. В вышеупомянутой статье «О Войсковом Круге» он обозначает задачи, которые считает первостепенными, и функции, которые возложены на донской парламент. Важно, что в этой статье автор выступает не только как публицист, но и как должностное лицо – секретарь Круга. В этом плане статью можно считать программной.

Миссия, которая возложена на Войсковой Круг, велика и ответственна – это «работа государственного созидания», установление жесткой дисциплины (не случайно Крюков приводит в пример Фридриха Великого, повесившего на воротах провинившегося чиновника), представительство народных интересов и забота о «судьбах родины». Исполнителем важной и тяжелой работы созидания автор видит «народ-строитель». Статья насыщена романтическим пафосом, что проявляется в стиле повествования и лексике: «мы живем верой в здравый рассудок народный, мы не можем погасить в себе искру упования, что выстраданный опыт приведет нас к сознанию своей греховной скверны и допущенных ошибок».

Реализация экономической политики, по мнению Крюкова, должна проводиться через налогообложение и отказ от неподъемного кредитования («не дать запутаться Всевеликому Войску Донскому в лабиринте чрезмерного кредитного обилия»). Хотя, как с горькой иронией отмечает автор, в казачестве «укоренился взгляд, что казаки свободны от податей и налогов, и потому на самые очевидные свои нужды станичники упорно не желают уделить грош от своего достатка». Этот стереотип поддержан, как констатирует публицист, и революцией, внесшей оригинальную трактовку понимания свобод: «никаких обязанностей, никаких налогов, никаких повинностей – не признавать... потому – свобода...»

Понятие свободы (или воли), которое Крюков воспринимал как идеал, было разрушено революцией, превратившись фактически в антиидею. Для кривоковского сознания «донского» периода вообще свойственна полярированность восприятия, как, собственно, и для его современников. Мир поделился на «своих» и «чужих», на товарищей (в «Русском богатстве» обращение «товарищ» было очень уважительным, вмещающим в себя единомышление, содружество, взаимовыручку) и «товарищей». Именно так, «товарищи», в казачьих, Крюков именует представителей нового, советского, «красного» строя («красные гости», «красная рвань» – о них же).

Месяцем позже выхода программной статьи Крюков пишет «Войсковой Круг и Россия» (Донская волна. 1918. № 16. 30 сент. (13 окт.). С. 4–5), где описывает одно из заседаний, на котором учреждают войсковой герб, гимн и флаг. Звучат патристические речи об утраченной «великой России», которой на смену приходит новая «великая Россия», но они находят отклик у малой части аудитории, представленной в основном станичной интеллигенцией. Автор констатирует кризис национального самосознания, отсутствие национальной идеи. Он ощущает, что «сироты мы и “бесквасники”, голыши, сидим у разваленной печки, холодной и ободранной, и нечем отогреть нам иззябшее сердце...» Трагизм момента подчеркивается авторской антитезой: «Почему кажется сейчас, что все в ней было такое чудесное и славное, какого нет ни в одной стране на свете? И почему так тепло было около ее патриархальной печки с лежанкой и так сиротливо-холодно теперь, под собственным флагом?» С горечью Крюков обнаруживает, что те, кто должен решить судьбу родины, сформировать новое, «плотные, крепко сшитые, загорелые, твердые люди», те, на которых глядит с «молитвенным волнением затененных упований <...> вся Россия, ограбленная, взятая в залог, измученная, истерзанная Россия», угрюмо и сурово молчат. Потому что Дон, завоевавшееся за вся свою славную историю казачество, противостоит красным, но воевать «за царя» не желает. Как говорит один из участников сбора, «мы на той поприще стоим, чтобы своєю не отдать, а чужого нам не надо. <...> Россия? Конечно, держава была

порядочная, а ныне произошла в низость, ну и пушай... у нас своих делов не мало, собственных... <...> Наш царь – Дон!.. Этот есть тот хозяин, за которым мы пошли... Кто пропитан казачеством, тот своего не должен отдать дурно... А насчет России повременить...»

Вот последствия того обвала-разрушения, которое внесла революция. Автор задается вопросом: неужели лучшие черты казачества, исторически защищавшего оплот России, «лучшее чадо ее родимое», с его «героизмом, порывом к жертве», способностью к самопожертвованию, «были прожиты до последней пылинки на диком торжище красного угара и беснования углубленной революции...» И сам не может ответить на этот вопрос.

Жанровая палитра публицистических произведений Ф.Д. Крюкова этого периода представлена корреспонденциями, репортажами и очерками.

Корреспонденции по своей форме приближаются к современному жанру колонки: в них представлена не столько ситуация, сколько авторская рефлексия по поводу изображаемого, она насыщена авторскими отступлениями (прежде всего патриотическими), эссеистическими приемами, репортажными элементами. Эти особенности присущи и репортажам. Среди очерков преобладают путевые и очерки памяти [16], поскольку трагические события военного времени унесли жизни многих друзей Ф.Д. Крюкова.

Очерк памяти – это портретный очерк, который посвящен человеку, ушедшему из жизни. Предмет изображения роднит очерк памяти с жанром некролога, однако цель такого очерка – не просто сообщить о смерти и дать подробности относительно похорон, а осмыслить судьбу умершего человека в контексте времени, осмыслить значение, которое он имел для современников, а также то, какое влияние оказал непосредственно на очеркиста. В этой связи в таких очерках ярко выражено авторское начало, им присуща высокая эмоциональность, а мотив воспоминания является одним из ведущих. Автор очерка-памяти, в силу личного знакомства с героем публикации, представляет прежде всего свою рефлексию по поводу его судьбы и значимости дел. По сути, это его исследование яркой индивидуальности, оставившей глубокий след

в жизни и мировоззрении автора, преподавшего определенные нравственные уроки, о которых теперь и рассказывает очеркист. Отсюда ярко выраженный эссеизм, свойственный этому жанру. К очеркам памяти относятся такие, например, произведения «донского» периода творчества Крюкова, как «Роман Кумов» (Донская волна. 1919. № 10 (38). 1/14 марта. С. 2), «Жертвы искупительные» (Донские ведомости. 1919. № 17. 20 января (2 февраля). С. 1.), «Жертва Каледина» (Донские ведомости. 1919. № 24. 29 января (11 февраля). С. 3–4), «М. П. Богаевский» (Донские ведомости. 1919. № 77. 1/14 апреля. С. 1), «Знамя Мануила Семилетова» (Донские ведомости. 1919. № 281. 11/24 декабря. С. 1).

Типографское дело на Дону в это время также претерпевало кризис, не хватало бумаги (газеты издавались даже на оберточной бумаге), и крюковская публицистика, лиричная и насыщенная авторской рефлексией некоторым казалась несвоевременной. Так, И. Калинин вспоминает, что «в ноябре 1919 г. у Крюкова вышло столкновение с начальником Донского Освага профессором Тарасовым, который сказал Крюкову, в то время редактору «Донских ведомостей», что он тратит казенную бумагу на свои бесполезные рассказы и не дает ее для печатания агитационной литературы» [5].

Однако вплоть до конца 1919 года Крюков публиковался [8], занимался редактурой, стремился быть полезным своей малой родине, которая теперь воспринималась им как родина единственная, противостоящая большевистской агрессии, сохранившая свою независимость и – пока еще – самобытность.

В ноябре 1918-го Крюков публикует в «Донских ведомостях» путевой очерк «Камень созидания» (Донские ведомости. 1918. № 66, 25 ноября (8 декабря)). Он, как и многие очерки периода «Русского богатства», имеет подзаголовок «Впечатления и заметки» и эпиграф «И старые, и малые вышли на службу родному Краю».

В очерке описывается поездка автора с 12-летней «девчуркой Василисой» и другими казаками в один из хуторов. Крюков создает панорамную картину спокойного и прекрасного родимого края, израненного эпохой перемен: «Откуда взялся тут, в пустынных степях, еще

не утративших памяти о кочевнике-татарине, гулкой диковинный аэроплан, проплывший сейчас над седыми курганами? Откуда эти ящики со снарядами, с патронами, возы с телефонными аппаратами, с проволокой?..»

Время осознается автором как остроконфликтное, беспощадное к человеку, оторвавшее его от земли и труда: «Кто-то смешал людей, столкнул их лбами, раскидал по враждебным группам, зажег звериной злобой... Миллионы сбиты с привычных насиженных мест, отупели от нужды, голода, крови... Труд заброшен, и труд – напряженный, подневольный, постылый – держит десятки, сотни тысяч людей в бесконечном круговращении и неотрывной суете. И все устали, выбились из сил, окаменели от горя, лишений, грязи и бесприютности...»

Этой бессмысленной злобе и суете мира реального публицист противопоставляет мир идеальный, который воплощен в природной стихии, спокойной, но задумчивой и печальной, в образах детей, поющих казаках. Вера в эту жизненную силу казачества, сохраняющего даже в эпоху апокалиптических катаклизмов способность к творчеству и желание жить, – это и дает надежду автору, что «никакие лишения, никакая нужда не согнет ее, эту удивительную натуру, выкованную веками в условиях боевой и трудовой жизни». В этом он видит тот прочный фундамент, «на котором будет строиться обновленная жизнь», а испытания только укрепляют эту веру.

Пытаясь осмыслить современность, найти причины катастрофичности бытия, перерождения народа, в очерке «В сфере колдовства и мути» (Донская волна. 1918. № 16. 30 сент./13 окт. С. 10), Крюков в прошлом обнаруживает лишь «игрушечную первобытность ясности и простоту взаимоотношений, проникнутых человечностью даже в темных явлениях междоусобий и национального антагонизма». Он приходит к выводу, что «расширение и углубление революции», «революционное сознание» изменило подлинно человеческую душу, которая «лучше была».

«От жизни пошел трупный запах», – пишет Крюков в путевом очерке «Свежо предание: Из Медведицкой летописи» (Донские Ведомости. № 91. 25 дек. 1918 (7 янв. 1919)). Очерк начинается с философского рассужде-

ния о специфике момента. Вновь, как и в очерке «В сфере колдовства и мути», писатель использует метафору «маховое колесо событий», которое сметает все на своем пути, и прежде всего человеческие судьбы. Крюков понимает важность момента и осознает роль Области Войска Донского в противостоянии новой власти. В этих жерновах оказались «неведомые доселе географические имена и названия, эти хутора, зимовники, балки, ерики, речки и курганы вышли на арену борьбы народов и классов, борьбы многовекового жизненного уклада и нового социального эксперимента, трагически обросшего старыми приемами грабежа, тунеядства и зоологической злобы».

Авторские размышления перетекают в картинку с натуры – «родных углов», потому что жизнь и история, по мнению автора, складывается из такого, характерного, из «мелочей жизни».

Крюков вспоминает свою поездку в родную Глазуновскую, поражаясь тому, что «тихие станичные и хуторские улочки наполнились пьяным гамом, руганью, гоготанием, циническими сценами с женщинами». Он несколькими штрихами создает портреты станичников, один из которых смотрит «ущемленным зайцем», потому что новые хозяева мира в галифе («дармояды», «комитетчики и доморощенные большевики», характеризует их Крюков) разгуливают по улицам, мародерствуют и бесчинствуют. «Превыше всего вознесены были интересы собственной шкуры и собственного корыта...»

Обесценились человеческие взаимоотношения, мироощущение казачьего братства, разрушенное Гражданской войной, – об этом Крюков пишет в очерке «В гостях у товарища Миронова (Рассказ подхорунжего Б. Зеленкова)» (Донские ведомости. 1919: № 11. 13/26 янв. С. 4–5; № 16. 19 янв. (1 февр.). С. 3–4). Очерк рассказывает историю казака, им же самим поведенную и записанную Крюковым, чья фамилия вынесена в подзаголовок, арестованного своими бывшими братьями-казаками, теперь воюющими по другую сторону баррикад, а потом, ввиду знакомства с их командиром, освобожденным из-под ареста и... назначенным охранять тех, с кем только что сидел под замком, и в итоге бежавшим к

своим. «Казалось, жизнь стала сплошным хлебом, ко всему, кроме ценностей хлеба, равнодушной». Маленький человек – подхорунжий Зеленков, по сути, в одиночку противостоит «товарищам», которым неведомо понятие чести и которых объединяет «корыто и шкура».

О понятии чести Крюков размышляет в статье «Чувство чести и достоинства» (Донские ведомости. № 93. 21 апреля (4 мая). 1919. С. 1). Статья опубликована на первой полосе и также является программной (редакционной) и агитационной. В ней автор размышляет о союзниках-англичанах: «Английская миссия была в Новочеркасске, была на Донском фронте». Он отмечает, что Англия оказывала серьезную материальную поддержку, поставляла Белой армии оружие, обмундирование, медикаменты и проч. О союзнической поддержке автор говорит, чтобы напомнить единомышленникам, что борьба с красным врагом – забота отнюдь не союзников. В качестве иллюстрации, отражающей ситуацию «шкурников» среди своих, Крюков приводит высказывание английского генерала, отметившего, что есть достаточно людей (в Ростове), годных для мобилизации, и он считает удивительным, что воевать некому – недостаточно «живой силы». Для англичанина не быть на фронте в такое время – это значит быть человеком без чести.

Этот эпизод становится отправной точкой для осмысления понятия чести, о которой казаки забыли, по мнению публициста. Как и в предыдущих очерках и статьях, Крюков подчеркивает, что «никогда низость душевная не справляла такого торжества, как ныне».

По сути, в статье осмыслены причины гражданской войны. По мнению Крюкова, «мошенники мысли и родинопродавцы», «купленные немецкими деньгами», нивелировали патриотическую идею, насадили идею, что война с Германией (Первая мировая) – это не войны за Отечество, что если бросить оружие, то «сам собой придет мир, благоденствие, обилие хлеба и всяких жизненных припасов». Усталые русские солдаты поверили, «оставили на произвол судьбы Россию», разбрелись по домам. И вместо мира получили новую войну – «гражданскую, по бессмысленности, опустошительности и жестокости пре-

восходящую все доселе виденное», инициированную социалистами «во имя нового общественного порядка, дающего людям якобы свободу, равенство, братство, земной рай...».

И в этом автор видит бесчестие, в том, что забыты патриотическая идея, память предков и славные традиции Тихого Дона, а его соратники «позорно растерялись, расплылись, разбежались перед человеческим отребьем».

Об этических идеалах казачества Крюков также размышляет в очерке «Забытые слова» (Донские ведомости. 1919. № 76. 31 марта (13 апреля)). Для автора ключевыми понятиями казачьего самосознания, в которых воплощен их идеал, являются Отчизна, совесть и честь. Возрождение истинного смысла этих слов, возвращение их как основы жизнеположения, по мысли автора, – это путь обретения истины.

В статье «Свидетельство документов» (Донские ведомости. № 109. 11/24 мая 1919. С. 2 [20]) авторский лиризм, свойственный творческому методу Крюкова, почти отсутствует, потому что выдержки из документов, в ней приведенные, говорят сами за себя. Статья призвана обнаружить несостоятельность «красной» («троцкистской») агитации, призывающей белоказачество («вопящей») перейти на сторону противника («безбрежное болото наглой лжи и обмана, бесстыдной лести «трудовым» казакам, клевета и <укл>он, направленные на борющееся за родной край казачество и его вождей»). Для опровержения посулов большевиков приводится циркуляр, в котором прописано поголовное истребление воюющего на стороне белых казаков, массовый террор, раскулачивание и конфискация земель, скотины и продуктов. Также приводятся данные о массовых расстрелах «за контрреволюцию», о том кровавом следе, который оставляют за собой «предатели-большевики».

Завершается статья призывом к «ретиному казацкому сердцу», которое «загорится огнем святого отмщения, закипит молодецкая кровь, вспомнит славную удаль былых времен и могучим, неудержимым напором прорвет красную плотину за Донцом...» и отомстит за «поругание края родимого, Дона Тихого...».

Этот же прием – прямого включения документа в текст, на этот раз эпистолярного, Крюков использует в очерке «Зов братьев» (Донские ведомости. № 103. 3/16 мая. 1919. С. 1). Он снова опубликован на первой полосе и выполняет агитационную функцию – призвать братьев-казаков противостоять «плотине красных», бесчинствующих в родных хуторах и станицах, отомстить за «терзаемых лютой пыткой наших братьев». Пламенное авторское вступление переходит в публикацию писем – целиком, без купюр. «Простые, полные тоски и ужаса и все-таки не сломленной надежды – письма из-за гребня красных» из станиц, проявивших, по мнению автора, гражданское самосознание и восставших против ненавистного врага.

Документ, таким образом, используется как средство аргументации (этот же прием мы обнаруживаем в очерке «Живые вести» (Донские ведомости. 1919. 21 мая (3 июня). С. 3–4). В числе других функций документа в крюковских текстах – документ как отправная точка для авторского размышления.

Крюковские статьи осени 1919 года, по сути, однотипны: они включают краткую характеристику момента, горячее воззвание к землякам противостоять красному врагу. Идеалом же, который поможет собратьям сплотиться – патриотическая идея, честь и призыв к казакам вспомнить о своем истинном предназначении, о славе предков и Тихом Доне. Таковы статьи «Долг перед Родиной», (Донские ведомости. 1919. № 285. 15/28 декабря. С. 1), «Ответственность момента» (Донские ведомости. 1919. № 270. 27 нояб. (10 дек.). С. 1–2), политические обзоры по итогам временных периодов (озаглавливаются датами) и ряд других.

По подобной схеме выстраиваются и очерки, в которых прямые авторские обращения к аудитории перемежаются зарисовками «с натуры», иллюстрирующими тезисы публицистического выступления. Таков, например, очерки «Здесь и там» (Донская речь. 1919. № 13. 27 нояб. (10 дек.). С. 2), «Старший брат и младший брат» (Донские ведомости. 1919. № 255. 8 (21) ноября. С. 2).

Однако очерк «Цветок-татарник» (Донская речь. 1919. № 2, 12/25 ноября. С. 2) словно возвращает Крюкова к традициям «Русского

богатства», причем уже на уровне заголовка – автор использует символ, образ колючего цветка, олицетворяющего несгибаемость казачества.

Очерк продолжает развитие темы «донского» периода. Повествование, как и в других произведениях этого времени, ведется от первого лица. Активно используются репортажные конструкции (сцены, диалоги), пейзажные и портретные зарисовки. Даже синтаксис другой: нет того обилия многоточий, которые используются писателем в других очерках и статьях и отражают авторские сомнения, рефлексии и разочарование.

Текст воссоздает картину Дона 1919-го в его действительности, без агитационных воззваний. Персонажи, которых встречает автор, – типические представители донской вольницы, сохранившие в себе те качества, которые Крюков ищет в современниках. Да, они испытывают на себе тяжесть и несправедливость момента, но их интенция – жить, а не бороться. Жить, несмотря ни на что, и заниматься своим делом, которое передано тебе по наследству. И в связи с этим как раз и возникает в сознании публициста образ цветка-татарника: «И я вспоминаю прекрасный образ, который нашел великий писатель земли русской в «Хаджи-Мурате» для изображения жизнестойкой энергии и силы противодействия той девственной и глубокими корнями вошедшей в родимую землю человеческой породы, которая изумила и пленила его сердце беззаветной преданностью своей, – цветок-татарник... Он один стоял среди взрытого, <вз>борожденного поля, черного и унылого, один, обрубленный, изломанный, вымазанный черноземной грязью, все еще торчал кверху».

И заканчивает очерк Крюков не осознанием ужасов происходящего, не сопоставлением «здесь» и «там», «тогда» и «сейчас», не о недолжном, а размышлением о будущем, о себе в контексте времени и истории: «Необоримым цветком-татарником мысля я и родное свое казачество, не приникшее к пыли и праху придорожному в безжизненном просторе распятой родины, отстоявшее свое право на достойную жизнь и ныне восстанавливающее единую Россию, великое отечество мое, прекрасное и нелепое, постыдно-досадное и невыразимо дорогое и близкое сердцу».

Не случайно исследователи творчества Ф.Д. Крюкова именно этот образ выносили в заглавия своих книг и статей [6], потому что «необоримый цветок-татарник» – это и сам Крюков как один из лучших представителей своего народа.

Таким образом, творчество Ф.Д. Крюкова «донского» периода характеризуется особым кризисным, трагическим мироощущением. Разрушены стародавние устои, революция и «красные гады» разорили родимый край. Противопоставить этому автор может только веру в славное прошлое «рыцарства старины», в великое предназначение казачества и патриотическую идею, а также возвращение к этическим стародавним принципам, в основе которых понятия Отчизны, совести и чести. Романтические, по сути, идеалы писателя можно связать со спецификой момента: когда разрушены все начала и ничего не предлагается взамен, возможно два пути – обращение к скрепам либо выдвигание новой идеи, как правило недостижимой.

Одна из последних статей Ф.Д. Крюкова, опубликованных в «Донских ведомостях», фактически незадолго до смерти, – «Единое на потребу» (Донские Ведомости. № 290. 21 дек. 1919 (3 янв. 1920). С. 1). Битва за Дон фактически проиграна, белая армия отступает. Именно поэтому статья начинается с осмысления этого момента «величайшего и последнего напряжения всех наших сил», когда «поставлено на карту все: бытие родного края, судьба казачества, целостность родных и близких нам людей, семей наших, собственная жизнь, все трудовое достояние наше, скудное, скромное, малое, но нашим трудовым потом облитое, ибо все мы – кость от кости своего трудового народа». Это переломное, буквально между жизнью и смертью, время, по мнению публициста, – «экзамен всему казачеству – и Дону, и Тереку, и Кубани», и именно казачество несет «всю тяжесть великой борьбы».

Организующим началом должны стать руководители, казачья интеллигенция. И единственно достойный призыв, обращенный к великому казачьему народу, – «не отдавать батюшки Тихого Дона, единым сердцем и единою мыслью биться за него до конца и – победить или умереть у родного порога...»

Ф.Д. Крюков умер «у родного порога». По поводу его кончины есть несколько версий, по одной из которых он умер от тифа или плеврита, другая связана с «шолоховским вопросом», знаменитым канувшим в Лету крюковским кованым сундучком, в котором якобы была рукопись одного известного романа...

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 16-14-34006 «Литературно-публицистическое наследие Ф. Д. Крюкова».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Буланин, Д. М. Эпилог к истории русской интеллигенции / Д. М. Буланин. – СПб., 2005. – 256 с.
3. Горнфельд, А. Г. Памяти Ф. Д. Крюкова / А. Г. Горнфельд // Вестник литературы. – 1920. – № 6. – С. 15.
4. Демченко, А. И. Всеобщее (универсальное) искусствознание как новое научное направление / А. И. Демченко // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 3. – С. 16–20.
5. Калинин, И. М. Русская Вандея / И. М. Калинин. – Репр. изд. – Краснодар : Традиция, 2010. – 537 с.
6. Макаров, А. Г. Цветок-татарник: в поисках автора «Тихого Дона» (от Михаила Шолохова к Федору Крюкову) / А. Г. Макаров, С. Э. Макарова. – М. : АИРО-XX, 2001. – 500 с.
7. Млечко, А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940) / А. В. Млечко. – Волгоград: ВолГУ, 2008. – 574 с.
8. Писатель Федор Крюков: из архива русской прессы 1910–1920 (тексты за подписью ФК, его редакционные статьи, статьи без подписи, воспоминания, графические материалы; тексты других авторов или же с сомнительным авторством). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://unipersona.srcc.msu.ru/f-krukov/descr1910-1920.htm>.
9. Смирнов, В. Б. «Отечественные записки» и русская литература 70–80-х годов XIX века / В. Б. Смирнов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998. – 261 с.
10. Смирнов, В. Б. Литературная история «Отечественных записок» 1868–1884 / В. Б. Смирнов. – Пермь, 1974. – 314 с.
11. Смирнов, В. Б. Некрасов и журнальная поэзия «Отечественных записок» / В. Б. Смирнов. – Уфа : БГУ, 1972. – 209 с.

12. Смирнов, В. Б. Ф. М. Достоевский и русская демократическая журналистика 70–80-х годов / В. Б. Смирнов. – Волгоград : ВолГУ, 1996. – 192 с.

13. Смирнова, Е. А. GENIUS LOCI Федора Крюкова, бытописателя «Тихого Дона» / Е. А. Смирнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. – Волгоград, 2016. – № 1. – С. 17–28.

14. Смирнова, Е. А. Жанрово-стилевые особенности публицистики Ф. Д. Крюкова / Е. А. Смирнова // Вестник ВолГУ. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – Вып. 4. – С. 89–95.

15. Смирнова, Е. А. Литературно-публицистическое наследие Ф. Д. Крюкова: тематический анализ / Е. А. Смирнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 12 (4). – С. 48–52.

16. Смирнова, Е. А. Очерк памяти: специфика жанра (на материале публицистики Ф. Д. Крюкова) / Е. А. Смирнова // Коммуникация в современном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж, 2017. – С. 137–139.

17. Смирнова, Е. А. Писатель в контексте журнала: особенности творческого метода / Е. А. Смирнова // Журналистика-2016: стан, проблемы і перспективы: матеріялы 18-й Міжнародной науково-

практичної канферэнцыі, прысвечанай 95-годдзю БДУ (10–11 лістапада 2016 г., Мінск). – Мінск, 2016. – С. 309–312.

18. Смирнова, Е. А. Писатель в контексте толстого журнала: выстраивая коммуникацию с читателем / Е. А. Смирнова // От текста к печатному изданию: проблемы филологического анализа и редакторской подготовки [Электрон. ресурс]: сборник научн. тр. по итогам IV Региональн. науч.-практ. семинара, г. Волгоград, 23 мая 2016 г. – Волгоград, 2016.

19. Смирнова, Е. А. Специфика жанра очерка в творчестве Ф. Д. Крюкова / Е. А. Смирнова // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология : сб. ст. по материалам I междунар. науч.-практ. конф. – М., 2016. – № 1. – С. 33–37.

20. Смирнова, Е. А. Формы интертекстуальности в публицистике Ф. Д. Крюкова / Е. А. Смирнова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV междунар. науч. конф. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 65–68.

21. Смирнова, Е. А. Эссеизм в публицистике Ф. Д. Крюкова / Е. А. Смирнова // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2016. – № 12 (2). – С. 83–85.

22. Шильникова, О. Г. Литературная критика в журнальном контексте рубежа XX–XXI вв. / О. Г. Шильникова. – Волгоград : ВолГУ, 2011. – 285 с.

THE WORKS OF F.D. KRYUKOV OF THE DON PERIOD

Evgeniya Aleksandrovna Smirnova

Candidate of Philology (PhD), Docent,
Docent of the Department of journalism and media communications,
Vologograd State University
stilvolsu@mail.ru, eugeni-sm@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia

Abstract. The article aims at the integral analysis of the works of the Cossack writer F.D. Kryukov, who opened for the Russian reader multicoloured flavor of the Don region and the Don Cossacks. The planned research is the first attempt in the history of national and regional literature to organize the scattered information about the writer, including the period of 1918–1920's, which is not practically studied, to make the integral analysis of his literary and journalistic work. In addition, almost all the works of F.D. Kryukov was published in the newspapers, which determines the specific approach of the writer to display the reality as a writer-journalist. The article determines the writer's thematic preferences, describes the new type of the character – Cossak, a native of the river Don.

Key words: context, F.D. Kryukov, creativity, publicism, genres, review, poetics.